

ИНГЕРСОЛЛ ДОКВУД

УДИВИТЕЛЬНОЕ
ПОДЗЕМНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
БАРОНА
ТРАМПА

Иллюстрации
Чарльза Говарда Джонсона

Перевод выполнен с английского языка:
Игорем Скакуном совместно
с нейросетью «МИР»

Бесплатно

Игорь Скакун

**Удивительное подземное
путешествие Барона Трампа.**

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Удивительное подземное путешествие Барона Трампа. /
И. В. Скакун — «Автор», 2026 — (Бесплатно)

«Удивительное подземное путешествие барона Трампа» — фантастическая повесть Ингерсолла Локвуда, впервые изданная в Бостоне издательством Lee and Shepard в 1893 году. В оригинале указан копирайт 1892 года; иллюстрации создал Чарльз Говард Джонсон. Юный барон и его верный пёс Булджер, следуя старинной рукописи, отправляются на поиски мира внутри мира. Под землёй их ждут необыкновенные народы, опасности и открытия, требующие смелости, находчивости и доверия друг к другу. Приключения, юмор и сатира превращают сказочные царства в зеркала человеческих привычек. В мифологическом прочтении спуск в глубины Земли напоминает путь героя в иной мир: испытания меняют его и помогают увидеть привычную жизнь иначе. Путешествие становится образом познания и взросления, а верность Булжера — символом дружбы и здравого смысла. Это литературная интерпретация, а не доказательство пророчества. Перевод и редакционная подготовка — совместная работа Игоря Скакуна и нейросети «МИР».

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Удивительное подземное путешествие барона Трампа	5
Аннотация	6
Биографическая заметка о Вильгельме Генрихе Себастьяне фон Трумпе, обыкновенно именуемом маленьким бароном Трампом	7
Глава I	9
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	19
Глава V	23
Глава VI	26
Глава VII	30
Глава VIII	35
Глава IX	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Скаун

Удивительное подземное путешествие Барона Трампа.

Удивительное подземное путешествие барона Трампа

Ингерсолл Локвуд

Иллюстрации Чарльза Говарда Джонсона

Перевод и редакционная подготовка совместно отработаны Игорем Скауном и нейросетью «МИР».

Рабочая редакция. Полная сверка перевода с оригиналом ещё не завершена.

Впервые книга опубликована в 1893 году в Бостоне издательством Lee and Shepard. В оригинальном издании указан копирайт 1892 года.

Аннотация

Юный барон Трамп и его верный пёс Булджер отправляются на поиски мира внутри мира. Старинная рукопись ведёт их в подземные царства, где живут прозрачные люди и другие удивительные народы. Каждая встреча становится испытанием смекалки, смелости и дружбы.

«Удивительное подземное путешествие барона Трампа» — фантастическая повесть американского писателя Ингерсолла Локвуда, впервые опубликованная в Бостоне издательством Lee and Shepard в 1893 году; в оригинальном издании указан копирайт 1892 года. Книга с иллюстрациями Чарльза Говарда Джонсона соединяет приключенческую фантастику, сказочную условность, юмор и сатиру на человеческие привычки и общественные порядки.

В мифологическом прочтении путешествие в глубины Земли напоминает древний сюжет о нисхождении героя в иной мир: покинув привычную жизнь, он проходит испытания и возвращается с новым опытом. Подземные народы становятся своеобразными зеркалами человечества, а дорога барона — образом познания неизвестного и внутреннего взросления. Верность Булджера можно прочесть как символ дружбы, чутья и здравого смысла, помогающих герою там, где одного рассудка недостаточно. Это возможная интерпретация произведения, а не установленный тайный замысел автора или доказательство пророчества.

Биографическая заметка о Вильгельме Генрихе Себастьяне фон Трумпе, обыкновенно именуемом маленьким бароном Трампом



Поскольку Фомы неверующие, кажется, находят особенное удовольствие в том, чтобы высказывать при каждом удобном случае, точно чертики из коробочки, пожалуй, стоит заранее предупредить их возражения и доказать, что барон Трамп был настоящим бароном, а вовсе не бароном, существовавшим только в чьем-то воображении. Род его происходил от французских

гугенотов де ла Тромп, которые после отмены Нантского эдикта в 1685 году нашли убежище в Голландии. Там глава семьи принял имя ван дер Трумп, подобно многим другим французским протестантам, переделавшим свои фамилии на голландский лад. Несколько лет спустя, по приглашению бранденбургского курфюрста, Никлас ван дер Трумп стал подданным этого государя и приобрел обширное поместье в Померании, вновь изменив фамилию — теперь уже на фон Трумп.

«Маленький барон», прозванный так за свой крошечный рост, родился во второй половине семнадцатого столетия. Он был последним прямым потомком своего рода, хотя его двоюродные родственники и поныне принадлежат к известным померанским дворянским семьям. Путешествовать он начал в невероятно раннем возрасте и наполнил свой замок такими диковинными предметами, собранными в самых отдаленных уголках света, что простодушные крестьяне стали видеть в нем наполовину знатного господина, наполовину волшебника. Отсюда и множество мифов и фантастических рассказов об этом неутомимом страннике. Дату его смерти установить с уверенностью невозможно; однако вот что можно сказать: среди портретов померанских знаменитостей, висящих в штеттинской ратуше, есть изображение человека маленького роста, с головой, чересчур большой для его тела. На нем какая-то диковинная одежда, а в левой руке он держит причудливую фигурку из слоновой кости, вырезанную с необычайным искусством. Широкое лицо дышит умом, большие серые глаза светятся добродушным и вместе с тем насмешливым выражением, неизменно привлекающим внимание. Правая рука покоится на спине собаки, сидящей на столе и смотрящей прямо перед собой с таким достоинством, что сразу понятно: она знает, что позирует для портрета.

Если посетитель спрашивает у проводника, кто этот человек, ответ всегда один:

— А, это маленький барон!

Но какой именно маленький барон — вот в чем вопрос.

Почему бы ему не быть знаменитым Вильгельмом Генрихом Себастьяном фон Трумпом, обыкновенно именуемым «маленьким бароном Трампом», вместе с его удивительной собакой Булджером?

Глава I

Булджера чрезвычайно раздражают фамильярность деревенских собак и наглость домашних кошек. — От этого страдает его здоровье, и он умоляет меня вновь отправиться в путешествие. Я охотно соглашаюсь, ибо читал о мире внутри мира в затхлой старинной рукописи ученого дона Фума. — Прощальные беседы со старшим бароном и милостивой баронессой, моей матерью. — Приготовления к отъезду.

Булджер, дорогие друзья, был совсем на себя не похож. Глаза его потускнели, и, когда я с ним заговаривал, он лишь вяло помахивал хвостом. Говорю «вяло», потому что мне всегда казалось, будто другой конец Булджерова хвоста прикреплен прямо к сердцу. Вместе с бодростью духа пропал и аппетит: он почти ничего не делал, кроме как обнюхивал изысканные кушанья, которые я перед ним ставил, хотя я старался соблазнить его жареной куриной печенкой и подрумяненными петушиными гребешками — двумя его любимыми блюдами.

Очевидно, его что-то тяготило, но мне и в голову не приходило, что именно. По правде говоря, это было такое, чего я меньше всего на свете ожидал бы обнаружить в его мыслях.

Возможно, я и раньше разгадал бы причину, если бы как раз в ту пору не был чрезвычайно занят — настолько, что почти никому не уделял внимания, даже моему дорогому четвероному молочному брату. Вы, быть может, помните, дорогие друзья, что ум у меня необычайно деятельный; стоит мне увлечься каким-нибудь предметом, и сам замок Трамп мог бы загореться и пылать до тех пор, пока не обуглились бы ножки моего стула, прежде чем я услышал бы шум и суматоху или даже почувал дым.

Случилось так, что в пору Булджеровой хандры старший барон благодаря любезности своего давнего школьного товарища стал обладателем рукописи пятнадцатого века. Принадлежала она перу не кого иного, как знаменитого мыслителя и философа, ученого испанца дона Константино Бартоломео Стрефолофиджегуанериусфума, более известного в ученом мире под именем дона Фума, и называлась «Мир внутри мира». В этом труде дон Фум выдвигал удивительную теорию: есть все основания полагать, что недра нашего мира обитаемы; что, как известно, этот громадный земной шар не сплошной, напротив, во многих местах он полый; что много-много веков назад на его поверхности происходили страшные потрясения, заставившие жителей искать убежища в огромных подземных чертогах — столь огромных, что они вполне заслуживают названия «мира внутри мира».

Эта книга с ее измятыми, изорванными, потемневшими от времени листами, источавшими запах сводчатой усыпальницы и изъеденного червями сундука, обладала для меня особой притягательностью. День напролет, а нередко и далеко за полночь я сидел над ее затхлыми, заплесневелыми страницами, совершенно забыв о нашем поверхностном мире; мысленным лотом я измерял те подземные глубины, а воображением посещал их, видел их обитателей и прислушивался к их речам.

Пока я предавался этим занятиям, Булджер больше всего любил устраиваться на причудливо расшитой кожаной подушке, которую я привез с Востока в одном из путешествий и теперь положил на ближнем к окну конце рабочего стола. С этого наблюдательного поста ему были видны весь парк, терраса и подъездная аллея, ведущая к крытому крыльцу. Ничто не ускользало от его зоркого взгляда. Он часами сидел там, развлекаясь наблюдением за появлением и уходом самых разных людей — от разносчиков безделушек до знатнейших особ нашего края.

Однажды я заметил, как он вдруг спрыгнул с подушки и негромко зарычал от неудовольствия. Я не придавал этому особого значения, но, к моему удивлению, на следующий день примерно в тот же час все повторилось.

Теперь мое любопытство было по-настоящему возбуждено. Отложив затхлую рукопись дона Фума, я поспешил к окну выяснить причину Булджерова раздражения.

И вот тайна открылась! Под окном стояло с полдюжины беспородных дворняжек, принадлежавших арендаторам баронских земель. Глядя вверх, они лаяли, прыгали и всячески старались выманить Булджера на улицу порезвиться. Нужно ли уверять вас, дорогие друзья, что такая фамиллярность была ему крайне неприятна? Их бесцеремонность переходила все границы его терпения.

Я позвонил слуге и велел прогнать собак. После этого Булджер согласился снова занять свое место у окна.

Наутро, едва я устроился для долгого чтения, Булджер вдруг влетел в комнату; глаза его метали искры, зубы были сердито оскалены. Схватив полу моего халата, он довольно свирепо дернул ее, что означало: «Отложи книгу, маленький хозяин, и следуй за мной».

Я повиновался. Он повел меня вниз по лестнице, через переднюю в столовую, и тут новая причина его неудовольствия стала совершенно очевидна. Вокруг серебряной тарелки, на которой ему подали завтрак, расположились старая полосатая кошка и четверо котят: все они преспокойно вылизывали и вылакивали его еду. Подняв на меня глаза, он издал резкий жалобный вой, словно хотел сказать: «Вот, маленький хозяин, полюбуйся! Разве такое не выведет из терпения даже святого? Удивительно ли, что я несчастен, когда со мной происходят столь неприятные вещи? Говорю тебе, маленький хозяин, этого не вынесет ни одна живая душа!»

Я был с ним вполне согласен и сделал все, что мог, чтобы утешить моего несчастного друга. Но каково же было мое удивление, когда, вернувшись в комнату, я велел ему занять место на подушке, а он отказался повиноваться!

Случай был необыкновенный и заставил меня задуматься. Он заметил это, радостно залаял и бросился в мою спальню. Через несколько мгновений вернулся, неся в пасти пару восточных башмаков, и положил их к моим ногам. Снова и снова он исчезал и каждый раз приносил какой-нибудь предмет одежды. Вскоре на полу передо мной лежал полный восточный костюм. Поверите ли, дорогие друзья: это был в точности тот самый наряд, который я носил во время последнего путешествия по далеким странам, когда мы с ним потерпели кораблекрушение у острова Гогула, страны Круглотелых! Что все это означало? Разумеется, следующее:

«Маленький хозяин, неужели ты не можешь понять своего дорогого Булджера? Он устал от этого скучного и безрадостного существования. Ему надоело все возрастающая фамиллярность соседских дворняжек и наглость кухонных кошек со всеми их семействами. Он умоляет тебя порвать с этой жизнью грез и бездействия и ради чести Трампов вновь подняться и отправиться в путь».

Я наклонился, обнял дорогого Булджера и воскликнул:

— Да, теперь я понимаю тебя, верный мой спутник! И обещаю: прежде чем эта луна станет полной, мы снова повернемся спиной к замку Трамп и отправимся искать врата в мир внутри мира, описанный доном Фумом.

Услышав это, Булджер залился самым безумным лаем и принялся носиться из угла в угол, словно в его сердце вдруг вселился дух озорства. Посреди этих неистовых скачков негромкий стук в дверь заставил меня воскликнуть:

— Тише, тише, добрый Булджер, кто-то стучит! Тише, говорю тебе!

Это был старший барон. С серьезным видом и величавой поступью он приблизился и сел рядом со мной на диван.

— Добро пожаловать, почтенный отец! — воскликнул я, взяв его руку и поднеся к губам. — Я как раз собирался тебя разыскать.

Он улыбнулся, затем спросил:

— Ну, маленький барон, что ты думаешь о мире внутри мира дона Фума?

— Думаю, милорд, — ответил я, — что дон Фум прав: такой мир должен существовать. И с твоего согласия я намерен отправиться на поиски его врат без лишнего промедления — как только моя дорогая мать, милостивая баронесса, найдет в сердце силы расстаться со мной.

Старший барон немного помолчал, затем прибавил:

— Маленький барон, как бы ни страшила нас с твоей матерью мысль, что ты вновь покинешь надежную защиту этого древнего крова, чья поросшая мхом черепица укрывала столько поколений Трампов, мы все же не должны быть себялюбивы. Упаси Небо, чтобы подобное чувство побудило нас удерживать тебя! Честь нашего рода и твоя слава исследователя необыкновенных стран в дальних уголках земного шара требуют от нас мужества. Поэтому, дорогой мой мальчик, собирайся и вновь отправляйся на поиски чудес. Карта ученого дона Фума послужит тебе надежным и верным советчиком. Помни девиз Трампов, маленький барон: *Per Ardua ad Astra* — через трудности к звездам. Путь к славе усеян ловушками и опасностями. Но меня всегда будет утешать мысль: если твой острый ум окажется бессилем, безошибочный инстинкт Булджера укажет тебе дорогу.

Когда я склонился поцеловать руку старшего барона, в комнату вошла милостивая баронесса.

Булджер поспешил подняться на задние лапы и лизнул ее руку в знак почтительного приветствия. Слезы подступали к ее глазам, но она сдержала их и, обвив мою шею любящими руками, стала осыпать поцелуями мои щеки и лоб.

— Я знаю, что все это значит, дорогой сын, — прошептала она с самой печальной из улыбок, — но пусть никто никогда не скажет, что Гертруда, баронесса фон Трамп, помешала своему сыну приумножить славу фамильного герба. Ступай, ступай, маленький барон, и да возвратит тебя Небо невредимым в наши объятия и к нашим сердцам в назначенный им час.

При этих словах Булджер, слушавший разговор с настороженными ушами и блестящими глазами, издал долгий радостный вой, затем вскочил ко мне на колени и покрыл мое лицо поцелуями. Покончив с этим, он выразил свое счастье оглушительным лаем и новой чередой совершенно безумных прыжков. Это был один из счастливейших и самых гордых дней его жизни: он чувствовал, что немало поспособствовал окончательному укреплению моей решимости вновь отправиться в путешествие.

И вот по коридорам замка разнеслись топот торопливых ног и громкий гул взволнованных голосов; и внутри, и снаружи то шепотом, то в полный голос я слышал один и тот же возглас:

— Маленький барон снова собирается покинуть дом!

Булджер бегал туда и сюда, осматривая все вокруг и следя за приготовлениями. Его радостный лай звенел всякий раз, когда из какого-нибудь укромного места извлекали знакомую ему вещь, служившую мне в прежних странствиях.

Раз по двадцать на дню моя нежная мать приходила ко мне в комнату, чтобы еще раз дать добрый совет или повторить важное предостережение. Мне казалось, что я никогда прежде не видел ее такой спокойной, такой величавой и такой милой.

Она очень гордилась моей громкой славой, как, впрочем, и каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок в замке. Не уедь я вовремя, меня буквально уморили бы своей добротой, а Булджера — сладкими пирогами.

Глава II

Таинственные указания дона Фума. — Мы с Булджером отправляемся в Петербург, а оттуда в Архангельск. — Рассказ о нашем путешествии до Ильча на Ильче. — Возница Иван. — Как мы продвигались на север в поисках врат в мир внутри мира. — Угроза Ивана. — Недоверие Булджера к этому человеку и прочие обстоятельства.

Согласно рукописи ученого дона Фума, врата в мир внутри мира находились где-то на севере России — судя по всем признакам, полагал он, на западном склоне Северного Урала. Однако точнее определить их местоположение великому мыслителю не удалось. «Люди тебе скажут» — эта таинственная фраза снова и снова встречалась на заплесневелых страницах удивительного сочинения. «Люди тебе скажут». Ах, но какие же люди окажутся достаточно сведущими, чтобы сказать мне это? Этот мучительный вопрос я задавал себе во сне и наяву, на рассвете, в полдень и на закате, при крике петуха и в безмолвные ночные часы.

«Люди тебе скажут», — говорил ученый дон Фум.

«Ах, но какие люди скажут мне, где найти врата в мир внутри мира?»

Прежде для путешествий я выбирал одежду наполовину восточного покроя — за ее живописность, легкость и теплоту. Однако теперь, когда мне предстояло несколько месяцев пересекать Россию, я решил облачиться в русский национальный костюм. Я свободно владел русским, как и двумя десятками других языков, живых и мертвых, а такой наряд позволил бы мне передвигаться без необходимости вечно предъявлять паспорт и без того, чтобы назойливые попутчики непрерывно прерывали ход моих мыслей. Для меня это было очень важно: мой ум обладал необыкновенной способностью самостоятельно решать любую поставленную мною задачу, лишь бы какая-нибудь нелепая помеха внезапно не сбила его с пути. Так, однажды я уже почти открыл вечное движение, когда милостивая баронесса вдруг отворила дверь и спросила, давно ли я стриг ногти на больших пальцах ног: она заметила, что я продырявил несколько пар своих лучших чулок.

Я выехал из замка Трамп примерно в середине февраля и путешествовал днем и ночью, чтобы добраться до Петербурга к первому марта: я знал, что в первую неделю этого месяца оттуда отправятся казенные обозы к Белому морю. Мы с Булджером были совершенно здоровы и в превосходном расположении духа; дорожная усталость нисколько нас не тяготила. Едва прибыв в русскую столицу, я обратился к императору с просьбой разрешить мне присоединиться к одному из казенных обозов, и разрешение было милостиво даровано. Несколько дней мы двигались почти прямо на север и наконец достигли берегов Ладожского озера. Его мы пересекли на сани по льду; несколько дней спустя таким же образом переправились через Онежское озеро. Затем снова поехали сушей, пока не достигли Онежского залива. Его мы тоже пересекли по льду и прибыли на одноименную станцию, где остановились на день, чтобы дать лошадям заслуженный отдых. Оттуда мы направились прямо через снежные поля в Архангельск, важный торговый город на Белом море.

Здесь путь казенного обоза заканчивался. Проведя несколько приятных дней в казенном доме, я простился с начальником обоза и отправился дальше в сопровождении лишь верного Булджера и двух слуг, предоставленных мне императорским уполномоченным.



Отъезд из замка Трамп.

Теперь мой путь лежал вверх по Двине до Сольвычегодска; оттуда я продолжил путешествие по замерзшей Вычегде до казенного поста в Яренске, а затем мы повернули прямо на восток, и наши выносливые маленькие лошадки дотащили нас до живописного селения Илыч

на реке Илыч. Здесь пришлось оставить сани: снег словно по волшебству исчез, открыв зеленые поля, уходившие вдаль; майское солнце за несколько дней усеяло их цветами и цветущими душистыми кустарниками. В Илыче мне пришлось отпустить двух верных казенных служителей, сопровождавших меня из Архангельска: здесь они достигли самой западной точки, до которой им было поручено доехать. Я очень к ним привязался, да и Булджер тоже, и после их отъезда мы оба впервые по-настоящему почувствовали себя чужаками в чужой стране. Однако мне удалось нанять возницу по имени Иван, показавшегося вполне надежным. За хорошую плату он обязался отвезти меня еще на сто миль к северу.

— Но дальше ни шагу, маленький барон! — упрямо заявил он.

Теперь я действительно находился у предгорий Северного Урала: скалистые гребни и заснеженные вершины были отчетливо видны.

Не раз с томительным желанием я поднимал глаза к этим диким краям, окруженным отвесными стенами и утесами, косматыми от ошестинившихся черных сосен. Тихий таинственный голос шептал мне в душе, что где-то, ах, где-то в этой грозной глуши я однажды найду ворота в мир внутри мира! Несмотря на все мои старания, Булджер сразу невзлюбил Ивана, а Иван — его; если бы договор еще не был заключен и деньги не были уплачены, я поискал бы другого возницу. Впрочем, это было бы неразумно: у Ивана имелись две превосходные лошади, что я определил с первого взгляда, и, кроме того, он прекрасно за ними ухаживал. На каждой станции он растирал их досуха и не помышлял о собственном ужине, пока они не были напоены и накормлены.

Тарантас у него тоже был почти новый, крепко сработанный и снабженный мягкими одеялами — словом, настолько удобный, насколько вообще может быть удобна повозка, у которой вместо рессор лишь две длинные деревянные жерди, протянутые от оси к оси. Правда, они слегка пружинили, но я заметил, что Булджер не особенно любил ехать в этом странном экипаже, громыхавшем и подсакивавшем на горных дорогах, и часто просил позволения выпрыгнуть и бежать следом пешком.

Наконец Иван доложил, что все готово к отъезду. Мне хотелось покинуть Илыч на Илыче как можно тише, но проводить нас вышла вся деревня. Одна лишь Иванова родня — отец, мать, сестры и братья, жена и дети, дядья, тетки и десятки двоюродных братьев и сестер — составила бы население небольшого городка. Они кричали нам вслед и махали платками; Булджер лаял, а я улыбался и приподнимал шапку со всем достоинством, подобающим Трампу. Так мы наконец и выехали из Илыча на Илыче: Иван на козлах, а мы с Булджером сзади, прижавшись друг к другу, как два брата, каковыми мы и были, — два сердца, бьющиеся в одном ритме, два ума, занятые одной мыслью: какие бы беды ни случились, какое бы внезапное нападение ни грозило, тайная опасность или открытая атака, мы будем вместе стоять и вместе падем!

Много-много раз, пока Ивановы лошади медленно ползли по длинным подъемам горной дороги, а я лежал на широком мягком сиденье тарантаса, подложив под голову свернутое одеяло, я ловил себя на том, что невольно повторяю загадочные слова дона Фума:

«Люди тебе скажут! Люди тебе скажут!»

Дороги были так круты, что иной раз мы не проходили и пяти миль за день. В другие дни приходилось останавливаться на несколько часов, чтобы Иван мог укрепить подковы, смазать оси или сделать что-нибудь еще необходимое для повозки. Продвигались мы медленно — да, очень медленно и утомительно; но какое значение имеют число и величина трудностей для человека, твердо решившего выполнить задуманное? Разве аисты или дикие гуси принимают подсчитывать тысячи миль, отделяющие их от дальнего дома, когда приходит пора повернуть головы к югу? Разве бурые муравьи останавливаются, чтобы сосчитать сотни тысяч песчинок, которые им придется пронести по длинным коридорам и извилистым ходам, прежде чем они зароятся достаточно глубоко и спасутся от зимних морозов?

Много было Трампов, но ни один еще не вскидывал руки с криком: «Сдаюсь!» Неужели я стану первым? «Никогда! Даже если это будет означать, что мне больше не увидеть дорогого старого замка Трамп!»

Однажды утром, когда мы зигзагами взбирались по особенно скверному участку горной дороги, Иван вдруг обернулся и, даже не сняв шапки, крикнул:

— Маленький барон, сегодня я проеду последнюю милю из сотни. Если хочешь дальше на север, нанимай другого возницу. Слышишь?

— Молчи! — строго сказал я: этот человек прервал чрезвычайно важный ход моих мыслей.

Булджер тоже возмутился его дерзостью, зарычал и показал зубы.

— Но, маленький барон, рассуди по совести, — продолжал Иван уже почтительнее, снимая шапку. — Мои-то ждут меня домой. Я отцу обещал... Я послушный сын... Я...

— Нет, нет, Иван, — резко перебил я, — придержи язык, чтобы он не повредил твоей душе. Так знай: я говорил с твоим отцом, и он обещал, что при необходимости ты проедешь со мной еще сотню миль, но с условием, что я заплачу тебе вдвое. Так и будет, а сверх того твоя голубушка получит хороший подарок.

— Маленький барон, суровый ты хозяин, — захныкал возница. — Придет тебе прихоть — и прикажешь мне в Великанский колодец прыгнуть, только чтобы посмотреть, есть у него дно или нет. Святой Николай, спаси меня!

— Нет, Иван, — мягко сказал я, — жестокость мне неведома, хотя признаю, что справедливость порой кажется суровой. Но ты рожден служить, а я — повелевать. Провидение сделало тебя бедным, а меня богатым. Мы нужны друг другу. Исполни свой долг — и найдешь меня справедливым и внимательным. Ослушайся — и узнаешь, что эта короткая рука может дотянуться от Илыча до Петербурга.

Иван побледнел от моей скрытой угрозы. Но я счел нужным ее высказать: мы с Булджером уже почуяли измену и неповиновение в этом грубом человеке, чьим хорошим качеством была любовь к лошадям. Сам я всегда придерживался правила: широко открывать глаза на все доброе, что есть в человеке, и закрывать их на его недостатки. Но, несмотря на ласковые слова и доброе обращение, едва мы миновали отметку в сто миль, Иван сделался еще угрюмее и мрачнее.

Булджер следил за ним таким пристальным и осмысленным взглядом, что возница заметно робел. С каждым часом он становился все беспокойнее. И вот, когда мы отъезжали от придорожного трактира, я впервые с самого выезда из Илыча на Илыче заметил, что он выпил слишком много квасу. Он распустил язык и стал поднимать руку на своих лошадей, которых до той минуты только ласкал и называл нежными именами.

— Приглядывай за своим возницей, маленький барон, — шепнул трактирщик. — Он нынче сам не свой. Такой и перед Великанским колодцем не остановится, разверзись тот прямо на дороге. Да хранит тебя святой Николай!

Глава III

Иван становится все несноснее. — Булджер не спускает с него глаз. — Трусливое нападение на меня. — Верный Булджер приходит на помощь. — Возница, какого стоить иметь. — Как меня доставили в безопасное место. — В руках старой Юлианы. — Великанский колодец.

Когда мы остановились на ночлег, лишь угрозой сурового наказания по возвращении в Илыч я сумел заставить возницу вытереть лошадей досуха, как следует накормить и напоить их. Я стоял над ним, пока он не исполнил все добросовестно: я знал, что в этом краю других таких лошадей не достать ни за деньги, ни за какие одолжения. Если бы они захромали, простояв с мокрыми боками на холодном ночном воздухе, это могло задержать нас на целую неделю.

Едва я растянулся на жестком тюфяке, который трактирщик называл лучшей постелью в доме, как меня встревожили громкие крики в соседней комнате. Иван пил и ссорился с деревенскими жителями. С глазами, метавшими стрелы негодования, я шагнул в комнату, а верный Булджер следовал за мной по пятам.

Увидев нас, Иван отшатнулся, наполовину всерьез, наполовину в шутку, и закричал:

— Эй, поглядите на мазунчика! Какой нарядный! Страшно мне! Глаза-то, глаза-то как в темноте светятся! А рядом бесенок на четырех лапах! Спасите, братцы! Спасите — он меня в Великанский колодец сбросит! Не увидит меня больше Марьянка! Никогда! Спасите, братцы!

— Молчи, негодник! — строго крикнул я. — Как смеешь ты испытывать свое тупое остроумие на хозяине? Сейчас же ступай спать, не то велю деревенскому стражнику высечь тебя за пьянство.

Иван взобрался на печь и растянулся на овчине. Я же, повернувшись к трактирщику, запретил ему под каким бы то ни было предлогом давать моему слуге еще выпивки.

— Ах, ваше превосходительство! — воскликнул трактирщик с брезгливым жестом. — Дураки-то меры не знают. Что им ни говори — все одно. Еще и нас учат: не порти, мол, свою торговлю. Ах! Не умеют вовремя остановиться. Глотки у них глубоки, как Великанский колодец!

«Великанский колодец! Великанский колодец!» — бормотал я про себя, снова ложась на мешок с сеном, служивший тюфяком тем, кто мог за него заплатить. Странно, что эти слова, кажется, у каждого крестьянина на языке. Но тогда я больше об этом не думал. Сон одолел меня, и, как обычно пожелав доброй ночи старшему барону и милостивой баронессе, моей матери, я погрузился в сладкое забытие.

Как хорошо, что я умел засыпать почти по своей воле! Иначе с моим неугомонным мозгом, вечно пульсировавшим от избытка собственной силы, вечно стучавшим в тонкие костяные стенки, которые его заключали, словно заточенный изобретатель, колотящий в дверь своей темницы и умоляющий выпустить его на свет с его планами и замыслами, — иначе я попросту сошел бы с ума.

Но я одной лишь силой мысли призывал спасительную сладкую дремоту. Этот добрый мой ангел был так послушен, что мне достаточно было назначить час пробуждения — и все исполнялось с точностью до минуты.

Что до Булджера, я никогда и не пытался устанавливать для него какие-либо правила. Он имел обыкновение вздремнуть, когда убеждался, что мне ничто не угрожает. И даже тогда я склонен думать, что, подобно тревожной матери у колыбели младенца, он никогда не закрывал оба глаза сразу.

К рассвету Иван совершенно протрезвел, однако запрягал с такой неохотой, что мне пришлось несколько раз сделать ему замечание еще до выезда с трактирного двора. Он был похож на злобное, но трусливое животное, которое робеет перед твердым спокойным взглядом, а стоит вам отвернуться — выжидает мгновение, чтобы броситься.

Я не только обратил внимание Булджера на поведение этого человека и предупредил, что нужно быть настороже, но и принял другую предосторожность: проверил затравку у двух испанских пистолетов, заткнутых за пояс.

Едва мы выехали на большую дорогу, как негромкое рычание Булджера вывело меня из задумчивости. Затем мой четвероногий брат поднял на меня свои выразительные глаза и так тревожно заскулил, что я поспешил оглядеть обе стороны дороги.

И что же! Вероломный Иван нарочно старался опрокинуть тарантас, чтобы избавиться от вынужденной обязанности везти нас дальше.

— Негодяй! — крикнул я, вскакивая и кладя руку ему на плечо. — Я прекрасно вижу, что ты задумал. Но предупреждаю тебя со всей серьезностью: еще раз попробуешь опрокинуть повозку — убью тебя прямо на этом месте!

Вместо ответа он с молниеносной быстротой ударил меня наотмашь утяжеленным концом рукояти кнута. Удар пришелся прямо в правый висок и свалил меня на дно тарантаса, точно кусок свинца.

На мгновение этот страшный удар лишил меня чувств. Но затем я увидел, что трусливый злодей повернулся на сиденье и снова взмахнул кнутом с тяжелой рукоятью, намереваясь добить меня вторым, более верным ударом.

Глупец! Он не все учел: с яростным визгом Булджер метнулся ему в горло, словно камень из катапульты, и глубоко впился зубами в плоть.

Возница взревел от боли и попытался стряхнуть неожиданного противника, но тщетно.

Теперь я вполне осознал, какая страшная опасность грозит нам обоим: Иван бросил кнут и потянулся к ножу в ножнах.

Но схватить его не успел. Метким выстрелом из одного пистолета я перебил ему кость предплечья — убивать этого человека у меня не было желания.

Потрясение и боль так его оглушили, что он, почти лишившись чувств, повалился на передок, а затем совсем вывалился из повозки, увлекая за собой Булджера. Лошади стали дыбиться и метаться. Больше я ничего не видел. В ушах стоял шум, похожий на рев разбушевавшейся воды, затем свет жизни совершенно померк перед моими глазами. Я упал в глубокий обморок.

Мне казалось, что я много часов лежал на спине на дне тарантаса, свесив голову через край, но, конечно, минуло всего несколько минут. Меня пробудило покалывание в левой щеке. Медленно приходя в себя, я обнаружил, что это камешки, летевшие из-под одного из передних колес. Лошади мчались во весь опор, а на козлах сидел мой верный Булджер: в зубах он держал вожжи и, упираясь лапами, натягивал их над лошадиными спинами. Когда я приподнялся и прижал руку к бедной разбитой голове, мне открылась вся истина.

В ту же секунду, как Иван ударился о землю, Булджер отпустил его горло и, прежде чем тот успел опомниться, вскочил на козлы. Подхватив зубами вожжи, он натянул их и тем прекратил метания перепуганных лошадей, после чего пустил их вперед. Разъяренный Иван остался позади: размахивая ножом, он сыпал проклятиями мне и Булджеру вслед, видя, как его лошади с повозкой исчезают вдали. Тут до меня донеслись отчаянные крики, и я заметил с полдюжины крестьян. Увидев приближавшийся во весь опор тарантас, который показался им пустым, они побросали работу и бросились его перехватить.

Представьте их изумление, дорогие друзья, когда они разглядели спокойного и умелого возницу, упиравшегося на переднем сиденье и частыми рывками головы назад понукавшего лошадей уносить любимого хозяина все дальше и дальше от ножа вероломного Ивана!

Крестьяне схватили лошадей под уздцы и остановили. Я, пошатываясь, поднялся и обнял дорогого Булджера. Он был чрезвычайно доволен своим подвигом и с жалобным поскуливанием лизал мой ушибленный лоб.

— Святой Николай, спаси нас! — воскликнул один из крестьян, истово крестясь. — Да проживи я столько, чтобы камешками Великанский колодец засыпать, все равно другого такого чуда не увижу!

«Великанский колодец, Великанский колодец!» — бормотал я, следуя за одним из крестьян к его избе, стоявшей немного в стороне от дороги: после страшного происшествия я крайне нуждался в отдыхе. Удар Ивановой рукояти потряс мой мозг, а в хирургии я разобрался достаточно, чтобы понимать: рана требует немедленной помощи. По счастью, под крестьянским кровом нашлась одна из тех старух — возможно, наполовину колдуний, — у которых есть средство на всякий случай и трава от всякой болезни. Осмотрев рассечение, оставленное тяжелой рукоятью, она пробормотала:

— Не так широко, как гора, и не так глубоко, как Великанский колодец, а все же худо, маленький хозяин.

«Опять Великанский колодец, — подумал я, ложась на лучшую постель, какую мне сумели приготовить. — Интересно, где же он находится, этот Великанский колодец, какова его глубина и кто пьет воду, которую из него достают?»

Глава IV

Моя рана заживает. — Юлиана рассказывает о Великанском колодце. — Я решаю побывать у него. — Приготовления к подъему в горы. — Что случилось с Юлианой и со мной. — Сначала размышление, затем действие. — Как я ухитрился продолжить подъем без Юлианы-проводницы.

Лишь через день или около того я смог твердо держаться на ногах. Тем временем я с особенным старанием пытался дать своему мозгу покой, но, несмотря на все усилия, каждое упоминание Великанского колодца кем-нибудь из крестьян вызывало во мне странное волнение. Внезапно я обнаруживал, что уже меряю шагами комнату и без конца повторяю: «Великанский колодец! Великанский колодец!»

Булджер был очень встревожен и сидел, наблюдая за мной с величайшим недоумением в своих любящих глазах. Думаю, он отчасти подозревал, что жестокий удар Ивановой рукояти повредил мой рассудок: порою он издавал тихое жалобное поскуливание. Однако стоило мне обратить на него внимание и повести себя более обычным образом, как он начинал скакать вокруг меня в неистовом восторге. Я велел крестьянам отвести Ивановых лошадей назад по дороге к Илычу на Илыче, пока они не встретят негодяя, и передать ему. Поэтому теперь у меня не было никакой возможности продолжать путь на север, разве что отправиться пешком, как многие мои знаменитые предшественники. Впрочем, у них ноги были длиннее моих, и им не приходилось носить столь тяжелый по сравнению с размерами тела мозг — притом мозг, который почти никогда не спал, по крайней мере крепко. Я слишком нетерпеливо стремился к вратам мира внутри мира, чтобы плестись по пыльной дороге. Мне необходимы были лошади и другой тарантас или хотя бы крестьянская телега. Нужно двигаться дальше. Голова уже совсем зажила, лихорадка прошла.

— Послушай, маленький хозяин, — шепнула Юлиана — так звали старуху, ухаживавшую за мной, — ты не тот, кем кажешься. Таких, как ты, я еще не видывала. Захоти ты, мне думается, смог бы сказать, как высоко небо, как толсты горы насквозь и как глубок Великанский колодец.

Я улыбнулся и спросил:

— А пила ли ты когда-нибудь из Великанского колодца, Юлиана?

Она покачала головой и тихонько хихикнула.

— Послушай, маленький хозяин, — снова прошептала она, подходя поближе и поднимая длинный костлявый палец, — меня не проведешь: ты знаешь, что у Великанского колодца нет дна.

— Нет дна? — переспросил я, затаив дыхание, и загадочные слова дона Фума «Люди тебе скажут!» молнией сверкнули у меня в голове. — Нет дна, Юлиана?

— Разве что глаза твои лучше моих, маленький хозяин, — пробормотала она, медленно кивая.

— Слушай, Юлиана! — порывисто воскликнул я. — Где этот бездонный колодец? Ты отведешь меня к нему; я должен его увидеть. Идем, отправимся сейчас же! За свои труды ты получишь хорошую плату.

— Нет, нет, маленький хозяин, не так скоро, — отвечала она. — Он высоко в горах. Дорога крутая и трудная, тропинки узкие да извилистые. Один неверный шаг — и смерть, если некому подхватить тебя сильной рукой. Брось безумную мысль туда добраться, разве только на крепких плечах какого-нибудь горца.

— Ах, добрая женщина, — ответил я, — ты только что сказала, что я не тот, кем кажусь, и сказала правду. Так знай же: перед тобой стоит всемирно известный путешественник Вильгельм Генрих Себастьян фон Трумп, обыкновенно именуемый «маленьким бароном Трам-

пом». И пусть я мал ростом и слаб на вид, все, что во мне есть, сделано из железа. Вот, Юлиана, вот тебе золото; теперь води меня к Великанскому колодцу.

— Тише, тише, маленький барон, — почти шепотом произнесла старая крестьянка, сжимая золотую монету своей сморщенной рукой. — Я еще не все тебе сказала. На много лиг кругом, думается мне, ни одна живая душа, кроме меня, не знает, где Великанский колодец. Спроси у них — скажут: «Там, в горах, высоко-высоко, под самым небесным карнизом». Только и всего. Только это они тебе и скажут. А я, маленький хозяин, знаю, где он. И та самая трава, которая вылечила твою разбитую голову и спасла тебя от верной смерти, охладив твою кровь, сорвана мною у края этого колодца!

Эти слова наполнили меня трепетом радости: теперь я чувствовал, что нахожусь на верном пути, что слова великого учителя всех учителей, дона Фума, сбылись.

«Люди тебе скажут!»

Да, люди мне сказали: теперь у меня не осталось ни малейшей тени сомнения, что я нашел врата в мир внутри мира! Моей проводницей станет Юлиана. Она знала, как пробираться по узкому перевалу, как обходить нависшие камни, которые могло обрушить одно прикосновение, как находить ступени, высеченные природой в скалистых стенах, и как безопасно проходить через расселины и ущелья, самый вход в которые мог быть невидим обыкновенному глазу. Но, чтобы сохранить доброе расположение суеверных крестьян, я объявил, что собираюсь в горы искать диковинки для своей коллекции, и попросил снабдить меня веревками и подъемными приспособлениями, а также дать двух добрых крепких парней, которые все это понесут, пообещав щедро заплатить за услуги.

Крестьяне поспешили доставить все, о чем я просил, и на рассвете мы вышли к горной тропе. Юлиана, чтобы не казаться участницей нашего отряда, отправилась вперед еще при лунном свете. Своим домашним она сказала, что хочет собрать некоторые травы до того, как солнечные лучи упадут на них и высушат целебную росу, бисером покрывавшую листья.



На дороге подземного мира.

Все шло благополучно, пока солнце не поднялось высоко над нашими головами. Вдруг я услышал пронзительный женский крик — как оказалось, кричала Юлиана. Через мгновение все стало ясно. Старуха мчалась вниз по склону, и жидкая прядь ее седых волос развевалась на ветру. Руки были связаны за спиной, а двое молодых крестьян хлестали ее березовыми прутьями при каждой возможности.

— Назад, назад, братцы! — кричали они двум моим людям. — Вон тот маленький чародей с этой старой ведьмой сговорился. Они к Великанскому колодцу идут! Напустят на нас стаю черных духов. Всех околдуют! Скорее! Скорее! Бросайте свою ношу и идемте с нами!

Мои спутники не стали ждать повторного приглашения. Бросив снаряжение наземь, все они исчезли в мгновение ока, но еще несколько мгновений до меня долетали вопли бедной Юлианы, которую юные негодяи хлестали березовыми прутьями.

Ну, дорогие читатели, что вы на это скажете? Не правда ли, в приятном я оказался положении? Один с Булджером в этом диком и мрачном горном краю, где черные скалы нависали над нами, точно хмурые великаны и людоеды: карликовые сосны вместо волос, клочья белого мха вместо глаз, огромные зияющие трещины вместо ртов и узловатые искривленные корни вместо страшных пальцев, готовых протянуться к моему бедному маленькому тщедушному телу.

Задрожал ли я? Поспешил ли вслед за этими трусливыми душами вниз по склону? Опустил ли хоть на одну зарубку планку своего мужества?

Ничуть. Если бы я так поступил, я не был бы достоин своего имени. Вместо этого я растянулся во весь рост на мшистой подстилке, подозвал Булджера и закрыл глаза на внешний мир.

Я слышал о великих людях, которые среди бела дня ложились в постель, чтобы предаться размышлениям, но и сам нередко делал так еще прежде, чем узнал об их обычае.

Через пятнадцать минут — по природным часам, то есть по солнцу на склоне горы, — я решил задачу. Передо мной стояли две трудности: во-первых, найти кого-нибудь, кто показал бы мне дорогу наверх; во-вторых, если этот кто-нибудь не сможет нести мое снаряжение, найти другого, который сможет.

Вдруг я вспомнил, что видел у подножия горы пасущийся скот, причем на животных были какие-то необычные ярма.

«Для чего эти ярма?» — спросил я себя. Они совсем не походили на те, что мне доводилось видеть прежде: крепкий деревянный хомут, от нижней части которого между передними ногами животного тянулся назад прямой деревянный брусок с железным шипом, обращенным к земле. Верх ярма кожаным ремнем прикреплялся к рогам. Поэтому, пока животное держало голову как обычно или даже опускало ее, чтобы пастись, ярмо оттягивалось вперед, и шип оставался над землей. Но стоило скотине поднять голову, как шип вонзался в грунт и не позволял ей сделать ни шага вперед. Теперь, дорогие читатели, вы, возможно, знаете, а возможно, и нет, что парнокопытное животное, начиная взбираться по крутому склону, в отличие от однокопытного, поднимает голову, а не опускает ее. Поэтому мне сразу пришло в голову: назначение ярма — не давать скоту подниматься в горы и теряться там.

Но зачем животным взбираться по горным склонам? Просто потому, что наверху растут какие-нибудь травы или растения, представляющие для них лакомство. Я прекрасно знал, на какой риск идут животные и какую усталость готовы переносить, чтобы добраться до любимого пастбища. Поэтому сразу сообразил: если я позволю им добраться до желанной пищи, они весьма охотно помогут мне в пути.

Сказано — сделано. Я тотчас повернул назад и шел, пока не наткнулся на группу этих животных. Мне хватило нескольких минут, чтобы отвязать ярма от рогов и подвязать шипы под животами, так чтобы ничто не мешало движению вверх по склону.

Животные пришли в восторг, так неожиданно избавившись от ненавистной помехи, которая позволяла им лишь издали любоваться желанными пастбищами. Я вырезал себе подходящее стрекало и снова двинулся в гору, не спеша погоняя впереди своих новых друзей.

Добравшись до места, где суеверные крестьяне побросали снаряжение, я нагрузил его на спину самому смирному животному и вскоре вновь продолжил путь.

Глава V

Все выше и выше, через Каменоломни демонов. — Как животные находили тропу и как мы наконец добрались до края Великанского колодца. — Уступы благополучно пройдены. — Начало спуска в самый колодец. — Все трудности преодолены. — Мы достигаем края воронки Полифема.

Вообще говоря, людей с очень большими головами природа снабжает парой тоненьких, словно трубочные чубуки, ног, но со мной дело обстояло иначе. Я был наделен весьма крепкими ногами и без труда поспевал за своими новыми четвероногими друзьями, которые, к моей радости, вскоре убедили меня, что уже бывали здесь. Ни на миг они не задерживались у развилки, а непрерывно двигались вперед, часто пересекая участки, где тропы вовсе не было видно, но затем вновь выходили на нее с безошибочной точностью. Лишь однажды они остановились утолить жажду у горного ручья, и мы с Будджером последовали их примеру.

Для меня было слишком очевидно, что они имели в виду определенное пастбище и не решили довольствоваться никаким другим; поэтому я позволил им идти своим путем, поскольку, поскольку путь все еще был вверх, вверх, вверх, я чувствовал, что следовать их примеру было совершенно безопасно.

Наконец склон горы начал приобретать совершенно другой характер. Ущелья становились уже, и временами нависающие скалы почти полностью закрывали солнечный свет. Мы вступали в область особой дикости и фантастического величия.

Я часто читал о том, что путешественники называли «Каменоломнями Демонов» на Северном Урале, но никогда до сих пор не имел ни малейшего представления о том, что означает это выражение.

Представьте себе обычный вид руин и опустошений вокруг каменоломни, обрабатываемой человеческими руками, затем мысленно представьте себе каждую щепку как блок, а каждый блок - как массу; прибавьте в четыре раза больше к каждой плите, столбу и фронтону, а затем направьте могучий поток через это место, и катите, и крутите, и поднимайте их в диком беспорядке, друг на друга, сложенные друг на друга, пока эти дикие воды не построили фантастические порталы к храмам, еще более фантастическим, и изогнутые дикие ущелья со скальными крышами, которые, кажется, висят так легко, что дыхание или шаг могут обрушить их с ужасным грохотом, и тогда, дорогие друзья, вам, возможно, удастся получить смутное представление о дикое и ужасное величие сцены, которая теперь раскинулась передо мной.

Знал ли бы скот, который сейчас так благополучно вёл нас с Будджером вверх по склону горы, где найти вход в эту пустыню из разбитых скал, и, что ещё важнее, если бы они, однажды оказавшись в его извилистых дворах и коридорах, в тёмном лабиринте стен и парапетов, на улицах и площадях, грубо вымощенных, словно руками демонов, нетерпеливых в этой задаче, найти выход снова?

Дорогие друзья, человек всегда был слишком недоверчив к своим четвероногим товарищам. У них есть многое, о чем они могли бы рассказать нам, если бы у них была только речь. Я часто доверял им, хотя вам это казалось безрассудством, и ни разу у меня не было причин раскаиваться в этом.

Итак, Буджер и я с мужественным сердцем последовали прямо за этими молчаливыми проводниками, хотя, должен признаться, мои ноги начали чувствовать ужасное напряжение, которому я их подверг; но я решил идти вперед, по крайней мере, пока мы не очистим Добычу Демонов, а затем остановить свое маленькое стадо и провести остаток дня и ночи в заслуженном отдыхе.

Однако, оказавшись в карьере, вся усталость исчезла, и мой благодарный разум, очарованный глубокой тишиной, ужасающим величием, таинственными огнями и тенями этого

места, придал мне новые силы. Наконец мы пересекли этот город тишины и мрака и снова предстали перед полным великолепием полуденного солнца.

Внезапно моя маленькая стада крупного рогатого скота, игриво встряхивая головами, бросилась бежать, однако мы с Булджером следовали за ними по пятам. Это была безумная гонка; но, дорогие друзья, когда она закончилась, я снял меховую шапку и с диким воплем радости подбросил ее высоко в воздух, а Булджер разразился чередой визгов и лая, ибо, посмотрите, передо мной пасся скот, и когда его дыхание достигло меня, мои острые ноздри уловили запах трав Юлианы, которые она привязала к моей больной голове.

Да, мы стояли почти на берегу Великанского колодца, но я был слишком утомлен, чтобы сделать еще шаг дальше, даже слишком устал, чтобы есть, хотя в карманах у меня был запас сухофруктов, и я заметил, что гнезда диких птиц хорошо снабжены яйцами. Ослабив снасть со спины доброго зверя, который нес ее для меня на гору, я бросился на землю и вскоре крепко заснул, а мой верный Булджер прижался к моей груди.

Утром скота нигде не было видно, но я не беспокоился о нем, так как знал, что старушку Юлиану пошлют за ними, как только их хватятся. После сытного завтрака, состоявшего из полудюжины жареных яиц дикой птицы, а также сухофруктов и ягод грушанки, мы с Булджером двинулись к краю Великанского колодца, или, скорее, к краю огромных каменных террас, ведущих к нему, каждая из которых имела высоту от тридцати до пятидесяти футов.

Прежде чем я пойду дальше, дорогие друзья, я должен попросить вас помнить, что я являюсь экспертом в использовании снастей, поскольку не существует ни одного узла, петли или соединения, известного моряку, которого бы у меня не было на кончиках пальцев, - факт, которому не следует удивляться, если принять во внимание тысячи миль, которые я прошел по воде.

И я бы не хотел, чтобы вы качали головами и выглядели лишь наполовину убежденными, когда я продолжаю описывать наш спуск в Великанский колодец, потому что, конечно, вы спросите себя, как мне удалось спустить снасть, когда на другом конце не осталось никого, кто мог бы ее развязать!

Знайте же, что это была самая маленькая из моих бед; ибо, как скажет вам любой моряк, вам нужно всего лишь завязать веревку так называемым «узлом дурака», к одному концу которого вы прикрепите простой шнур. В тот момент, когда вы достигли дна, резкий рывок за шнур развязывает дурацкий узел, и ваша снасть падает вслед за вами. Мой метод заключался в том, чтобы сначала спустить Булджера вниз, а затем спускаться за ним самому. Так мы переходили от парашюта к парашюту, пока, наконец, не оказались на самом краю огромного колодца, о существовании которого так загадочно намекало в рукописи дона Фума. Его устье имело, вероятно, пятьдесят футов ширины, и, напрягая зрение, я убедился, что на одной стороне, насколько я мог судить, существовал скальный уступ, примерно на глубине семидесяти пяти футов. Это была хорошая натяжка, и мне потребовался каждый фут моей веревки. Я уверен, вы не улыбнетесь, когда я скажу вам, что я прижал Булджера к своей груди и нежно поцеловал его, прежде чем опуститься. Он ответил на мои ласки и своим радостным визгом дал мне понять, что он безоговорочно верит в своего маленького хозяина.

Через несколько мгновений я присоединился к нему на узком каменном выступе. Под нами теперь была тьма, но думаешь, я колебался? Я знал, что мои глаза скоро привыкнут к мраку, и я также знал, что, когда мои глаза откажутся, более зоркие глаза Булджера будут рядом, чтобы помочь мне.

Теперь я настраивал снасть с особой тщательностью, потому что на самом деле я спускал своего младшего брата в своего рода путешествие за открытиями.

Вскоре он скрылся из виду, а затем, несмотря на мое спокойствие, я быстро вздохнул, и мое сердце подскочило вверх на ячменное зерно или около того. Но послушайте! его быстрый, резкий лай отчетливо доносится до меня. Это значит, что он приземлился на безопасную полку

или выступ, и в следующий момент мои ноги обхватили веревку, и я начал бесшумно скользить вниз в тихую глубину, его радостный голос звенел в моих ушах.

Снова и снова я посылал своего мудрого и бдительного младшего брата вперед себя, пока, наконец, стоя там и глядя вверх, для меня не осталось ничего от могучего внешнего мира, кроме яркой серебряной точки, похожей на крошечный луч света, струящийся через крошечное отверстие в занавесках твоей комнаты.

Но стоп, мы достигли дна Великанского колодца? пробным отвесом я обнаружил, что стены больше не отвесны; они наклонены внутрь, причем очень плавно, почти настолько, что мне едва ли понадобится веревка, чтобы продолжить спуск. Зажигая одну из своих маленьких свечей, я осторожно пробираюсь по краю. Через полчаса я снова на исходной позиции. Кривая тропы всегда была одной и той же, в то время как мой пробный отвес всегда указывал на один и тот же уклон к каменистому бассейну. И тогда впервые два определенных слова, использованных этим ученым Мастером Мастеров, Доном Фумом, до тех пор остававшиеся для меня загадкой, предстали перед моими глазами, как будто написанные огненным пером на черных стенах в тысячах футов под великим миром света, который я покинул несколько часов назад. Эти слова были Воронкой Полифема! Да, в этом не могло быть никаких сомнений: я достиг дна Великанского колодца. Я стоял на краю Воронки Полифема!

Глава VI

Мое отчаяние при виде горловины воронки, слишком узкой для моего тела. — Луч надежды. — Полный рассказ о том, как мне удалось проникнуть в горловину. — Мой путь по ней. — Своевременная помощь Булджера. — Мраморная дорога и некоторые любопытные сведения о входе в мир внутри мира.

Скалистые стороны Воронки Полифема были, по-видимому, так же хорошо отполированы, как и у любой жестяной воронки, которую я когда-либо видел висящей на кухне Замка Трампа, поэтому, закрепив снасть и взяв Булджера на руки, мы пошли скользить по стене, проводя леску под моей рукой в целях безопасности.

До дна было почти сто футов, потому что я отмерил всю длину своей лески до того, как достиг вершины этого гигантского конуса, и, не желая падать с головой в трубу, я зажег свечу и осмотрелся вокруг.

Ах, дорогие друзья, я теперь чувствую эту дрожь, настолько она была ужасна, и что же удивительного, ведь взгляд на трубу воронки сказал мне, что она слишком мала, чтобы пропустить мое тело. Мучительная мысль мелькнула в моем сознании, что я совершил ужасную ошибку - что я принял какую-то огромную яму за Великанский колодец, что я выбросил жизнь Булджера и свою собственную жизнь в безумной и бессмысленной спешке, что мне никогда не достичь чудесного мира внутри мира, что там, в этом густом мраке, мы должны положить наши тела и кости.

Или, подумал я, не мог ли ученый магистр мастеров Дон Фум сам допустить ошибку, высказав идею, что труба Воронки Полифема была достаточно велика, чтобы пропустить через нее человеческое тело?

Почти в безумии я подошел к устью трубы и, опустившись в нее, позволил своему телу опуститься настолько глубоко, насколько это было возможно.

Он зацепился за плечи, и после тщательного осмотра я был вынужден прийти к мучительному выводу, что мы с моим верным Булджером вместе прошли последнюю милю.

Нам ничего не оставалось, как лечь и умереть.

Лечь и умереть? Никогда! Спускаясь к Колодцу Гигантов, я заметил, что его сторона выглядела так, будто ее окружают каменные глыбы. Привязав Булджера к спине, я медленно взбирался с полки на полку, пока силы не покидали меня, а затем ждал, пока не думал, что старая Юлиана вернулась собирать травы, и, возможно, я смогу заставить ее услышать меня.

В отчаянии я вздохнул и схватился за руки, и при этом одна из моих рук соприкоснулась с чем-то холодным и скользким, напоминавшим жир. Взяв щепотку вещества между большим и указательным пальцами, я на мгновение задумчиво потер ее, и тогда луч надежды прорвался сквозь ужасный мрак, так безжалостно окутывающий меня. Это был графит, в этом не могло быть никаких сомнений. Он пробрался через трещину или щель в воронке Полифема, и я стер его, скатываясь вниз. С этим жирным материалом, которым можно натирать внутреннюю часть трубы до воронки, а также обмазываться, может быть, я еще смогу проскользнуть в мир внутри мира!

В любом случае я решил пойти на испытание, даже если оставлю часть своей кожи на кремневом камне.

Чтобы тщательно собраться с мыслями и двигаться шаг за шагом в том систематическом порядке, столь характерном для всех моих чудесных подвигов, я сел и, обняв за шею дорогого Булджера и прижав его к себе, общался сам с собой добрых полчаса.



Перед Ее Величеством Галаксой, королевой миккаменков.

Тогда все было готово к действию; и чтобы доказать вам, дорогие друзья, насколько осторожным был Будджер, чтобы не прервать ход моих мыслей, я должен сообщить вам, что хотя маленькое животное из семейства крысиных вылезло из расщелины в скале, пока я сидел там и думал, как я мог видеть при свете моей крошечной восковой свечи, и имело смелость сначала обнюхать хвост Буджера, а затем игриво укусить его, тем не менее, проницательное животное ни на шаг не сдвинулось с места.

«Разум приказал, теперь пусть руки подчиняются!» — воскликнул я, вскочив и начав снимать с себя верхнюю одежду. Сделав это, я забрался на край воронки и начал собирать

запас графита, который положил возле отверстия трубы. Следующее, что нужно было сделать, — провести Булджера через трубу впереди меня. Для этого я связал его в своей одежде, по образцу сумки, и начал спускаться.

Выпустив шестьдесят пять или семьдесят футов лески, он ударился о дно и своим громким лаем дал мне понять, что все в порядке, и я могу спуститься самостоятельно. Услышав его голос, я несколько раз резко дернул веревку. Он не замедлил понять, что я имею в виду, и через мгновение или около того не только сам вылез из сумки, но и освободил мою одежду, чтобы я мог снова вытянуть очередь.

Следующим моим шагом было придумать способ утяжелить себя, когда наступит момент начать спуск, поскольку я был уверен, что никогда не смогу устроить это так, чтобы проскользнуть через трубу, если что-то не будет тянуть меня за пятки.

Отрезав около десяти футов веревки, я прикрепил один конец куска к длинному куску камня весом около ста фунтов. Я положил его возле устья трубы, готовый к использованию. Но теперь предстояло самое трудное: мне нужно было прижать плечи к груди и надежно закрепить их в этом положении, благодаря чему я рассчитывал уменьшить свою ширину по крайней мере на два добрых дюйма.

Эти два дюйма, полученные таким образом, или, скорее, потерянные, могли бы стать средством, с помощью которого я смогу проскользнуть через трубу Воронки Полифема и достичь огромного подземного хода, ведущего в мир внутри мира. Наложив петлю на грудь, чуть ниже ключицы, я стянул плечи так сильно, как только мог, и заменил скользящий узел на более жесткий; затем, прикрепив другой конец лески к краю воронки, я приступил к накручиванию себя, как хозяйки часто делают большую колбасу, чтобы она не лопнула. Сделав это, я начал раскатывать графит, пока не был полностью им испачкан.

Теперь оставалось только одно, прежде чем свалиться в трубу, - это закрепить вес на ногах. Это была нелегкая задача, когда я был заведен, с прижатыми к телу руками, но с помощью скользящих узлов я, наконец, совершил подвиг и, сев, засунул ноги в трубу и глубоко вздохнул, потому что чувствовал себя так, будто меня нанизали на смирительную рубашку.

Наклонившись, я позвал Булджера. Он ответил радостным вздохом, который придал новую силу моему сердцу. Теперь настал величайший момент, который должен был стать свидетелем успеха или неудачи. Отказ! Ох, какое это страшное слово! и однако как часто человеческие губы должны произносить это и при этом выдыхать вздох, которым оно оканчивается! Быстро опустив груз, я оторвался от края отверстия и выпрямился, скользя в трубу.

Я остановил это как пробку или двигался? Да, вниз, вниз, осторожно, медленно, бесшумно, я проскользнул по трубе к Воронке Полифема. Какое мне дело до того, что из-за этого веса веревка врезалась в мои лодыжки? Я двигался, я приближался все ближе и ближе к Булджеру, чей радостный лай я мог слышать время от времени, ближе к внутренним вратам мира внутри мира!

Но горе мне! Я внезапно останавливаюсь, и, несмотря на все мои попытки начать снова, извиваясь, поворачиваясь и встряхивая свое тело, оно отказывалось погружаться еще на дюйм, и я застрял.

«О, Булджер, Булджер, — стону я, — верный друг, если бы ты мог дотянуться до меня, один твой рывок мог бы спасти твоего маленького хозяина!»

Каким-то диким и отчаянным образом я теперь начал ощущать себя так хорошо, как только мог, с руками, прижатыми так близко к бокам, но через мгновение или около того я обнаружил причину моей внезапной остановки.

Я ударил по части трубы, имеющей резьбу, вроде той, которая окружает железный болт и закручивает его, и мне пришла в голову мысль, что если бы мне только удалось придать вращательное движение своему телу, я бы с каждым поворотом скручивался все дальше вниз к концу трубы.

Я чувствовал, что мои костяшки пальцев и кончики пальцев были в синяках и потертостях от этой тяжелой работы, но какое мне было дело до острой боли, которая металась от кистей к запястьям и от запястий к локтям! Это было похоже на медленное вкручивание винта в длинную гайку, только резьба в данном случае была на гайке, а бороздки на винте, и этот винт был моим бедным избитым тельцем!

Внезапно по покачиванию груза я понял, что он потерял сознание на нижнем конце трубы. Он жестоко тянул мои нежные лодыжки, но я больше не мог вывернуться; мои силы иссякли. Я был на грани обморока, когда услышал, как Будджер громко вскрикнул, а в следующее мгновение меня так сильно дернули за лодыжки, что я издал стон, но этот рывок меня спас! Это Будджер подпрыгнул в воздух и, схватившись за веревку зубами, вытащил своего маленького хозяина из трубы Воронки Полифема!

Мы все упали в одну кучу, Будджер, я, и вес, целых десять футов, и последствия могли бы быть очень серьезными для меня, если бы мое падение не было прервано ударом по куче моей одежды, расположенной прямо под отверстием; и, дорогие друзья, если бы вы говорили до рокового звонка, вы не смогли бы заставить меня поверить, что мой четвероногий брат не положил сюда эту одежду, чтобы поймать меня.

Их тоже не бросили в кучу-вразброс, а положили друг на друга, самое тяжелое — вниз.

Размотавшись и зажег одну из восковых свечей, я поспешил скинуть с себя нижнее белье, покрытое графитом, и вновь надеть одежду; затем, наклонившись, я осмотрел пол. Он был составлен из огромных блоков мрамора различных цветов, отполированных почти так гладко, как будто эту работу выполнила рука человека; и тогда я понял, что нахожусь на Мраморной дороге Природы, ведущей к городам подземного мира, о которых Дон Фум упоминал в своей книге, и я вспомнил также, что он говорил о Могучих Мозаиках Природы, огромных фантастических фигурах на стенах этих высоких коридоров, составленных из разноцветных блоков и фрагментов, наложенных друг на друга, как будто по замыслу, а не по диким, бурным прихотям бурлящих сил тысячи лет назад, когда земля была в безумии и своенравная молодежь. После нескольких часов отдыха, в течение которых я ухаживал за своими разорванными руками и ушибленными пальцами, мы с Будджером снова поднялись и пошли по широкому и великолепному Мраморной дороге. Как ни странно, но не чернильная тьма обычной пещеры наполняла эти великолепные покои, через которые в величественном и массивном величии петляла Мраморная дорога; далеко от этого. Мрак смягчался слабым сиянием, время от времени встречавшим нас на пути, словно заблудившийся луч сумерек. В любом случае, как я заметил, Будджер прекрасно видел; поэтому, привязав к его воротнику веревку, я отправил его вперед, убежденный, что более надежного проводника у меня не будет.

Временами наш путь на мгновение освещался вырывающимся язычком пламени то по бокам, то с крыши галереи. Я долго не мог понять, от чего это произошло; но наконец я увидел источник или, скорее, создателя этого долгожданного освещения. Он произошел от животного, похожего на ящерицу, которое, внезапно развернув хвост, имело способность испускать эту чрезвычайно яркую вспышку фосфоресцирующего света, и при этом оно издавало резкий треск, ни на что не похожий на шум электрической искры. Будджер был в восторге от этого выступления; и однажды, не будучи в состоянии совладать со своим чувством, он издал резкий лай, после чего, по-видимому, десять тысяч этих маленьких факелоносцев одновременно щелкнули на меня хвостами и наполнили обширное пространство вспышкой света почти молниеносной силы.

Будджер был настолько напуган результатом своих аплодисментов, что после этого постарался промолчать.

Глава VII

Наша первая ночь в подземном мире и первый рассвет после нее. — Предупреждение Булджера и его смысл. — Встреча с обитателем мира внутри мира. — Его имя и занятие. — Таинственное возвращение ночи. — Страна постелей и то, как новый друг устраивает нам ночлег.

Наконец мои веки стали настолько тяжелыми от сна, что я понял, что во внешнем мире сейчас, должно быть, ночь, и поэтому мы остановились, и я вытянулся во весь рост на этом мраморном полу, который, кстати, был приятно теплым под нами; и воздух тоже был на удивление приятен для легких: здесь совершенно не было запаха земли и сырости, столь обычных в огромных подземных покоех.

Мой сон был продолжительным и очень освежающим; Однако Булджер уже проснулся, когда я сел и попытался осмотреться.

Он начал дергать веревку, которую я привязал к его воротнику, как будто хотел меня куда-то отвести, поэтому я подбадривал его и последовал за ним. К моему удовольствию, он привел меня прямо к бассейну с восхитительно сладкой и холодной водой. Здесь мы напились досыта и после очень скромного завтрака сушеным инжиром снова отправились в путь по Мраморной дороге. Внезапно, к моей большей радости, слабый и неопределенный свет этого места начал усиливаться. Да ведь казалось, что день верхнего мира вот-вот наступит, настолько нежными были различные оттенки, в которые облачался постоянно усиливающийся свет: затем, словно испугавшись своего растущего великолепия, он снова угасал, почти погружаясь в мрак. Вскоре это слабое и таинственное сияние возвращалось снова, начиная с нежнейшего желтого цвета, затем переходя через дюжину различных оттенков, и, как непостоянная дева, не знающая, что надеть, откладывала все в сторону и облачалась в наряд лилии. Мы с Булджером бродили по Мраморной дороге, почти боясь нарушить настолько глубокую тишину, что мне казалось, будто я слышу эти спортивные лучи света, играющие на разноцветных камнях, огибающих этот могучий коридор.

Теперь, когда Мраморная дорога сделало изящный изгиб, на нас обрушился ослепительный поток света.

Это был восход солнца в Мирах внутри Мира.

Откуда взялся этот поток ослепительного света, который теперь заставлял бока и сводчатую крышу светиться и сверкать, как будто мы внезапно вошли в одно из огромных хранилищ полированных драгоценных камней Природы? Прикрыв глаза рукой, я осмотрелся вокруг, пытаюсь разгадать тайну.

Мне не потребовалось много времени, чтобы все это понять. Знайте же, дорогие друзья, что потолки, купола и арочные крыши этого подземного мира были высечены из металла большей твердости, чем любой из известных нам детей солнечного света. Его швы тянулись туда и сюда, как жилки гигантских листьев; и в определенные часы потоки электричества из какого-то обширного внутреннего резервуара, созданного самой Природой, текли через эти металлические узоры, пока они не светились таким белым жаром, что выпускали поток ослепительного света, о котором я уже говорил.

Течение никогда не наступало внезапным порывом или взрывом, а начиналось мягко и робко, так сказать, как будто нащупывая свой путь. Отсюда прекрасные оттенки, которые всегда предшествовали восходу солнца в этом нижнем мире и делали его так похожим на приход и уход нашего великолепного солнечного света.

Мраморная дорога теперь разделилась, и две половины развились, изгибаясь вправо и влево, окружали небольшой, но изысканно украшенный парк, или я бы назвал его площадкой для развлечений, оборудованной сиденьями из темного дерева, красиво отполированным и

резным. Этот парк был украшен четырьмя фонтанами, каждый из которых бил из хрустального бассейна и разливался перистыми брызгами, блестящими, как кружащийся снег, в ослепительном белом свете. Когда мы с Булджером направились к одной из скамеек, намереваясь хорошенько отдохнуть, его тихое рычание предупредило меня, чтобы я был начеку. Я взглянул еще раз. На скамейке сидел человек. Вне себя от любопытства встретиться лицом к лицу с этим обитателем подземного мира, первым из которых мы встретились, я остановился, решив удостовериться, если возможно, совершенно ли он безвреден, прежде чем приступить к нему.

Он был небольшого роста и был полностью одет в черное, что-то вроде свободной, струящейся мантии, очень похожей на римскую тогу. Голова у него была обнажена, и то, что я мог видеть, было круглым, гладким и розовым, с примерно таким же количеством волос или, скорее, пуха, как на голове шестинедельного младенца. Его лицо было скрыто черным веером, который он держал в правой руке и о назначении которого вы узнаете позже. Его глаза были защищены от яркого света очками из цветного стекла. Когда он поднял руку между мной и светом, я не смогла сдержать дыхание. Я мог видеть насквозь: кости были ясными, как янтарь. И голова его тоже стала лишь немного менее непрозрачной. Внезапно в моей голове мелькнули два слова из рукописи дона Фума, и я радостно воскликнул:

«Булджер, мы в стране прозрачного народа!»

При звуке моего голоса маленький человек поднялся и низко поклонился, опустив веер к груди, где он держал его. Его детское лицо было до смешного печальным и торжественным.

«Да, сэр Незнакомец, — сказал он тихим музыкальным голосом, — вы действительно находитесь в Стране Миккаменки (Слюдяных Людей), в Стране Прозрачного Народа, называемой также Страной Очков; но если бы я показал вам свое сердце, вы бы увидели, что мне глубоко больно думать, что я должен был быть первым, кто приветствовал бы вас, потому что знайте, сэр Незнакомец, что вы говорите с Мастером Холодной Душой, Придворным Депрессором, самый печальный человек во всей Стране очков, и, кстати, сэр, позвольте мне предложить вам пару очков для вас, а также пару для вашего четвероногого компаньона, потому что наш яркий белый свет ослепит вас обоих через несколько дней.

Я очень тепло поблагодарил Мастера Холодную Душу за очки и начал надевать одну пару себе на нос, а другую привязывать перед глазами Булджера. Затем я самым учтивым образом сообщил Мастеру Холодной Душе, кто я такой, и попросил его объяснить причину его великой печали. - Что ж, ты должен знать, маленький барон, - сказал он, после того как я сел рядом с ним на скамейку, - что мы, любящие подданные королевы Галаксы, чье королевское сердце почти изнемогло, - извините эти слезы, живя в этом прекрасном мире, столь непохожем на тот, в котором вы живете, который, как говорят нам наши мудрецы, построен, как ни странно, на самой окраине земной коры, где он наиболее подвержен полному воздействию слепящего снега, ледяного ветра, града, проливной дождь и удушающая пыль, — живя, говорю я, в этом огромном храме, построенном собственными руками Природы, где болезни неведомы и где наши сердца бегут, как часы, у которых может быть только один завод, мы, увы, склонны слишком много смеяться, проводить слишком много времени в праздном веселье, болтая, как бездумные дети, забавляющиеся безделушками, наслаждающиеся мишурой. Барон, моя задача - сдерживать это веселье, положить конец этому детскому веселью, угнетать настроение нашего народа, чтобы оно не поднималось слишком высоко. Отсюда мой чернильный оттенок, мое печальное лицо, мое частое истощение слез, мой голос, всегда настроенный на печаль, мой веер выскользнул тогда насквозь; или, иначе, я не могу заставить его двигаться медленно; это ужасно неуправляемо.

Я заверил его, что еще не разглядел его насквозь.

А теперь, дорогие друзья, я должен объяснить, что по законам Миккаменки каждый мужчина, женщина и ребенок должны носить в своей одежде отверстие в форме сердца на груди прямо над сердцем, с соответствующим отверстием сзади, чтобы при определенных условиях,

когда это позволяет закон, каждый имел право взглянуть на сердце своего соседа и увидеть, как именно оно бьется – быстро или медленно, пульсирует ли оно или скачет, или пульсирует спокойно и естественно. Но эта привилегия предоставляется, как я уже сказал, только при определенных условиях, поэтому, чтобы отвести пытливые взгляды, каждому миккаменку разрешается носить с собой черный веер, которым можно прикрыть описанное выше отверстие в форме сердца и таким образом до некоторой степени скрыть свои чувства. Я говорю в некоторой степени, ибо могу с таким же успехом сказать вам прямо здесь, что ложь неизвестна или, правильнее сказать, невозможна в стране Прозрачного Народа, по той причине, что их глаза так удивительно ясны, прозрачны и хрустальноподобны, что малейшая попытка сказать одно, пока они думают другое, будоражит и затуманивает их, как будто капля молока упала в стакан чистой воды.

Сидя и глядя на это странное маленькое существо, сидевшее на скамейке рядом со мной, я вспомнил разговор, который у меня был с ученым русским в Сольвичегодске. Говоря о своем народе, он сказал: «Все мы рождаемся со светлыми волосами, блестящими глазами и бледными лицами, ибо мы выросли под снегом». И я подумал про себя, как восхитился бы он, как замороженно смотрел бы он на это любопытное существо, родившееся не под снегом, а глубоко под поверхностью земли, где в этих огромных покоях этого мира внутри мира этот странный народ, подобно растениям, выросшим в темном глубоком подвале, постепенно расставался со всеми своими красками, пока их глаза не засияли, как шары из чистого хрусталя, пока их кости не выбелились до янтарной чистоты, и их кровь не текла бесцветной по бесцветным венам. Пока я сидел там и следил за этим ходом мыслей, ясный белый свет внезапно начал мерцать и проделывать фантастические трюки на стенах, танцуя в одеждах постоянно меняющихся оттенков: то ярко-желтого, то бледно-зеленого, то великолепного фиолетового, то насыщенно-малинового.

«Ах, маленький барон!» - воскликнул Мастер Холодная Душа, - это был необычайно короткий день. Встаньте, пожалуйста.

Я поспешил повиноваться, после чего он коснулся пружины, и скамейка открылась в центре, обнажив две очень удобные кровати.



Обед, добытый без труда.

"Через несколько мгновений на нас наступит ночь, - продолжал Миккаменки, - но ты видишь, что мы не застигнуты врасплох. Я должен объяснить тебе, маленький барон, что из-за прихотливости, с которой наша Река Света склонна то начинать, то прекращать течь, мы никогда не можем сказать, как долго продлится день или ночь. Это то, что мы называем сумерками. В твоём мире, я полагаю, день уходит с ужасной бац, ибо наши мудрецы говорят нам, что в

верхнем мире ничего нельзя сделать без шума, что ваш народ очень любит шум и что тот, кто производит больше всего шума, считается величайшим человеком;

«Ввиду того, маленький барон, что никто в Стране очков не может сказать, как долго продлится день или как долго придется спать, наши законы не позволяют никому устанавливать точное время, когда что-то должно быть сделано, или требовать какого-либо обещания сделать то или иное в определенный день, ибо, благослови тебя Господь, этот день не может длиться и десяти минут. Поэтому мы говорим: «Если завтра продлится более пяти часов, приходи ко мне в начале шестого часа», и мы никогда не желаем друг другу просто спокойной ночи, а говорим: «Спокойной ночи, пока она длится».

«Кроме того, маленький барон, поскольку ночь склонна нападать на нас так неожиданно, по закону все кровати принадлежат государству; никому не разрешено иметь собственную кровать, потому что, когда его настигнет ночь, он может оказаться на другом конце города, а какой-нибудь другой подданный королевы Галаксы может оказаться перед его дверью, и где бы ночь ни настигла миккаменки, он обязательно найдет кровать. Есть кровати. Прикоснувшись к пружине, они выскакивают из стен, выдвигаются, как ящики, находятся под столами и диванами, в парках, на рынках, у дорог; скамейки, урны, тачки и бочки, нажав на пружину, могут в одно мгновение превратиться в кровати. Это страна кроватей, маленький барон. Но ах! и с этим Мастер Холодная Душа вытянулся и начал храпеть, предварительно тщательно заткнув две дырки спереди и сзади своей одежды, чтобы у меня не было возможности заглянуть сквозь него, если я проснусь раньше. Мы с Булджером были очень рады положить свои конечности на настоящую кровать, хотя по тому, как мой четвероногий брат ходил за своим хвостом, я видел, что он не особенно в восторге от мягкости дивана.

Глава VIII

«Доброго утра, пока оно длится». — Откровенные речи мастера Холодной Души. — Чудеса Страны очков. — Мы входим в город миккаменков. — Краткое его описание. — Приближение к королевскому дворцу. — Королева Галакса и ее хрустальный трон. — Слезы мастера Холодной Души.

Не думаю, что темнота длилась более трех часов, возможно, дольше; но Мастеру Холодной Души пришлось слегка встряхнуть меня, прежде чем он смог меня разбудить.

"Теперь, маленький барон, - сказал он после того, как пожелал мне доброго утра, прикрепив к нему обычное "пока оно длится", - если ты вполне хочешь, я провожу тебя ко двору нашей милостивой госпожи, королевы Галаксы. Наши мудрецы часто беседовали с ней о верхнем мире и ужасных страданиях его жителей, подвергающихся сначала заморозке безжалостным холодом, а затем сожжению палящие лучи того, что они называют своим солнцем, и она, несомненно, соизволит порадоваться, увидев тебя, хотя я должен предупредить тебя, что ты очень некрасив, что ты кажешься мне таким черным и твердым, что едва ли можно назвать человеком, а скорее куском живой земли или камня. мир».

«Мастер Холодная Душа», сказал я, пока мы шли, «когда ты узнаешь меня получше, ты найдешь меня более симпатичным, и хотя я не смогу показать тебе свое сердце, я надеюсь, что смогу доказать тебе и твоим, что у меня есть такая вещь».

"Без сомнения, без сомнения, маленький барон, - воскликнул Мастер Холодная Душа, - но не обижайся. Мне не приятнее говорить тебе эти неприятные вещи, чем тебе слышать их, но мне платят за это, и я должен зарабатывать свою зарплату. Тщеславие быстро растет в нашем мире, и я накалываю его пузыри всякий раз, когда вижу их".

К моему величайшему удивлению, я теперь обнаружил, что в мире Миккаменки есть свои озера и реки, подобные нашим, только, конечно, они были меньше и зеркальны, и их никогда не посещал даже слабый ветерок. На мой вопрос, населены ли они живыми существами, Мастер Холодная Душа сообщил мне, что они буквально кишат вкуснейшей рыбой, как в чешуе, так и в панцирях.

"Но не думайте, маленький барон, - добавил он, - что у нас, жителей Страна очков, нет другой пищи, кроме той, которую мы черпаем из воды; ибо в наших садах растет множество видов нежных овощей, которые за одну ночь прорастают почти такие же легкие, как пена, и такие же белые. Но мы едим мелких вещей, маленький барон, и редко находим необходимым убить большого моллюска. Мы просто хватаемся за его огромную клешню, которую он услужливо бросает нам в руку, и тотчас же приступает к выращиванию другого».

«Но скажи мне, пожалуйста, Мастер Холодная Душа, — сказал я, — где ты находишь шелк, из которого можно ткать такую мягкую и красивую ткань, из которой сшита твоя одежда?»

"В этом нашем подземном мире, маленький барон, - ответил Мастер Холодная Душа, - есть много обширных укромных уголков, куда не доходит Река Света, и в этих темных покоях порхают огромные ночные мотыльки, словно беспокойные духи, вечно летающие, но, конечно, это не так, потому что мы находим их яйца, приклеенные к скалистым стенкам этих пещер, и тщательно их собираем. Черви, вылупившиеся из них, плетут огромные коконы, настолько большие, что один не может быть спрятан в моей руке, а эти размотанные ниточки дают нашим ткацким станкам всю необходимую нить».

«А прекрасное дерево, - продолжал я, - которое я вижу вокруг себя, вырезанное и превращенное в столько изделий, откуда оно?»

«Из карьеров», — ответил Мастер Холодная Душа.

«Карьеры?» — повторил я удивленно.

"Да, маленький барон, - сказал он, - ведь у нас есть карьеры по дереву, как и у тебя, без сомнения, есть карьеры по камню. Наши мудрецы говорят нам, что тысячи и тысячи лет назад обширные леса, выросшие в вашем мире, образовались в результате подъемов и обвалов земной коры, навалившейся на нашу, гигантские стволы, тесно прижатые друг к другу, и стояли прямо так же, как и росли. По крайней мере, мы находим их, когда мы выкопали затвердевшую глину, скрывающую их на протяжении многих веков. Но видите, маленький барон, мы въезжаем в город, там находится королевский дворец, не пойдете ли вы туда со мной?"

Ах, дорогие друзья, если бы я мог показать вам этот прекрасный город подземного мира таким, каким он показался мне тогда, так великолепно раскинувшийся под сверкающими куполами и сводчатыми коридорами, из которых лился на изысканно резные и полированные входы в жилые покои этого счастливого народа поток белого света, очевидно, более ослепительный, чем наше полуденное солнце!

Это было зрелище настолько необычайно красивое, что я много раз останавливался, чтобы посмотреть на него. Молодые и старые, все одетые в одни и те же изящно струящиеся шелковые одежды, то пурпурные, то королевско-синие, то ярко-красные, спешили туда и сюда, каждый вооруженный неизбежным черным опахалом, и детское личико каждого светилось жизнью и сладостным удовлетворением, в то время как сотни фонтанов, бьющих из хрустальных бассейнов, блестели в ослепительном белом свете, и десять раз сотни флагов и хоругв висели вяло, но богато великолепием из невидимого мира. провода. Странная музыка доносилась с барж изящной формы с шелковыми навесами, которые бесшумно скользили по поверхности извилистой реки, весла взбалтывали воду, пока след не казался тропой сквозь расплавленное серебро.

Пока мы с Булджером следовали за Мастером Холодной Душой по улицам из полированного мрамора, вскоре за нами по пятам следовала толпа миккаменки, нашептывавшая о нас всевозможные нелестные вещи, смешанная с немалой вспышкой сдерживаемого смеха.

Судебный депрессор строго их упрекнул.

"Прекратите свое несвоевременное веселье, - сказал он, - и займитесь своими делами. Должен ли я остановиться и рассказать вам забавную историю, чтобы сдержать ваше глупое веселье? Разве вы не знаете, что все это глупое веселье ускоряет ваши сердца и заставляет их угасать гораздо быстрее?"

При этих словах Мастера Холодной Души они отступили и прекратили свое хихиканье, но это длилось лишь на мгновение, и к тому времени, когда мы достигли портала королевского дворца, позади нас уже была еще более громкая и шумная толпа.

Мастер Холодная Душа внезапно остановился, вытащил огромный носовой платок и начал яростно плакать. Это не прошло бесследно, и с этого момента я мог видеть, что миккаменки были склонны более серьезно отнестись к моему приезду в их город, хотя только присутствие Холодной Души удерживало их от приступов бурного смеха.

Над порталами царского дворца были большие отверстия, высеченные в скале с целью пропускания света в царские покои; но эти окна, если их можно так назвать, были завешены шелковыми занавесками нежных цветов, так что свет, проникавший в тронный зал, был умерен и смягчен. Сама комната также была увешана шелковыми тканями, что придавало ей вид восточного великолепия; но никогда во время моих путешествий среди странных народов далеких стран мой взгляд не останавливался на каком-либо произведении искусства, которое могло бы сравниться с хрустальным тронном, на котором восседала Галакса, королева Миккаменки.

В верхнем мире самые усердные поиски никогда не удавалось найти кусок горного хрусталя диаметром более трех футов; но здесь, на троне королевы Галаксы, в несравненном великолепии возвышаются четыре великолепные колонны высотой не менее пятнадцати футов и диаметром у их основания три фута. Их нижние части были покрыты золотыми блестками, которые сверкали постоянно меняющимися оттенками, когда на них падал разный свет. Кре-

стовины и детали, составляющие спину и руки, были выбраны из-за изысканно красивых волос и игольчатых кристаллов других металлов, которые они окружали. Трон покрывал шелковый балдахин редкой красоты, с краев которого свисали тяжелые шнуры и кисточки насыщенного цвета, представляющие собой совершенство человеческого ремесла по тонкости и отделке.

У подножия трона сидела юная принцесса Кристаллина; Позади нее стояла и расчесывала ее длинные шелковистые локоны ее любимая служанка, девица Светящийся Камень, а вокруг, рядами и группами, дюжинами стояли лорды и дамы, придворные и советники.

Когда Мастер Холодная Душа подошел, чтобы отдать честь королеве, толпа бездельников, следовавших за нами по пятам, толпилась в прихожей с громкими взрывами смеха. Придворный депрессор был сильно разгневан и, повернувшись к толпе, снова начал плакать с удивительной энергией; но я заметил, что это был только звук: ни одна слеза не упала, чтобы затмить кристальную ясность его глаз. Затем он начал распевать что-то вроде песни, которая должна была оказать угнетающее влияние на дикое веселье миккаменка. Я могу вспомнить только один стих этого торжественного пения Придворного Депрессора. Оно гласило следующее:

Плачьте, миккаменки, плачьте, о плачьте!
О слепом в Городе света,
О безротом в чертогах изобилия,
О глухом в царстве музыки,
О лишенном обоняния в Королевстве цветов,
Плачьте, миккаменки, плачьте, о плачьте!

Но они только громче смеялись, крича:

«Нет, Мастер Холодная Душа, мы не будем плакать о них; оплакивай их сам!». Наконец королева Галакса подняла тонкую золотую палочку с алмазным наконечником, лежавшую в ее руке, и мгновенно воцарилась тишина, а все взгляды были прикованы к Булджеру и ко мне.

Глава IX

Нас с Булджером представляют королеве Галаксе, Владычице хрустального трона. — Как она нас приняла. — Ее восторг перед Булджером, который разными способами доказывает свой удивительный ум. — Как королева возводит его в достоинство лорда Булджера. — О трех мудрецах, попечению которых нас вверяет королева Галакса.

Благодаря мягкому воздуху, постоянной температуре и отсутствию шума и пыли миккаменки, хотя и умирают в конце концов, как и другие люди, но, похоже, никогда не стареют. Их кожа остается мягкой и без морщин, а глаза ясными и яркими, как кристалл трона королевы Галаксы.

Когда мы прибыли в Страну Прозрачного Народа, сердце королевы Галаксы почти остановилось. Примерно через две недели все тихо и плавно прекратилось; ибо, как я уже говорил вам, дорогие друзья, сердце миккаменки было прекрасно видно, когда ослепительно-белый свет во всей своей силе освещал его тело, поэтому врачу было очень легко осмотреть орган жизни и чуть ли не к часу предсказать, когда он иссякнет, то есть иссякнет. Галакса выглядела настоящей королевой до последнего дюйма, полулежа на своем великолепном хрустальном троне. Она была одета в длинные струящиеся шелковые одежды истинного королевского пурпура, а драгоценные камни, окружавшие ее шею и запястья, посрамили бы драгоценности короны любого монарха верхнего мира. Ее одежда по фасону и покрою очень напоминала древнегреческий костюм, а золотые сандалии, которые она носила, добавляли сходства; но единственное, что возбуждало мое удивление больше, чем все остальные, вместе взятые, были ее волосы, такие длинные, такие тонкие и шелковистые, такая их масса была там, и такие ослепительно белые они были - не сине-желтые, какие бывают в нашем мире взрослеющими, а молочно-белые, хлопково-белые. И когда мы подошли ближе, к изумлению Булджера, но не к моему, ее волосы начали дрожать, шелестеть и подниматься вверх, пока не скрыли весь ее трон из поля зрения. Конечно, я знал, что, когда она сидела на стеклянном троне, достаточно было пропустить через нее слабый электрический ток, чтобы ее чудесная шевелюра встала таким образом, словно белые и тонкие щупальца какого-то гигантского морского существа, полурастения-полуживотного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.